

Жусупова Акгуль Акбердиевна

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ "ПЛАХА" Ч. АЙТМАТОВА

Статья раскрывает содержание понятия "концепция личности" и его проявление в романе "Плаха" Ч. Айтматова. Основное внимание в работе автор акцентирует на художественном мире, т.е. композиции, сюжетных разветвлениях, символах, в которых зашифрованы идейно-философские аспекты концепции личности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/3/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (7). С. 66-71. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

ANTHROPONYMS ATTRIBUTES IN THE ENGLISH, RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES

Iroda Ahmedovna Zhuraeva

*National University of Uzbekistan
Iroda70@mail.ru*

The article is devoted to the complex problem of people nomination in languages with different systems such as English, Russian and Uzbek languages. The signs (attributes) of anthroponyms are considered together with the specification of determination category in all these three languages. The English language having the grammar category of determination is introduced as the language-standard in the article.

Key words and phrases: anthroponyms; proper nouns; determination category; article; anthroponym formulae.

УДК 821.512.154:82-31

Статья раскрывает содержание понятия «концепция личности» и его проявление в романе «Плаха» Ч. Айтматова. Основное внимание в работе автор акцентирует на художественном мире, т.е. композиции, сюжетных разветвлениях, символах, в которых зашифрованы идейно-философские аспекты концепции личности.

Ключевые слова и фразы: концепция личности; художественный мир произведения; роман «Плаха» Ч. Айтматова; традиция суфийской поэзии; образ героя; религиозные аспекты художественного произведения; анализ идейной основы; гуманистические идеи произведения.

Акгуль Акбердиевна Жусупова, к. филол. н.

Кафедра казахского языка и культуры

Карагандинский государственный технический университет, Казахстан

Akgul79@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ «ПЛАХА» Ч. АЙТМАТОВА[©]

Изучение проблемы концепции личности на сегодняшний день является одним из важных вопросов литературоведения, поскольку при ее изучении раскрывается идейно-философская основа и художественный мир произведения, авторская позиция писателя, его эпохи. Если художественное произведение - это художественное отражение своего времени, то закономерно то, что при раскрытии его глубинных идейных основ обнаруживаются причины общественных явлений современной автору эпохи. Более того, изучение данной проблемы имеет большое воспитательное значение при формировании личности учащегося в ходе изучения литературных произведений. С этими тенденциями связан особый интерес к проблеме концепции личности в казахской литературе, который наблюдается в последние годы. Творчество Чингиза Айтматова включено в учебную программу средних школ, отсюда и исходит актуальность анализа авторской концепции личности писателя.

Если вся «мировая художественная литература представляет собой бесконечные вариации всего тридцати двух основных сюжетных линий, каждая из которых представляет собой неповторимый художественный мир» [4, с. 29], то закономерно, что при изучении этого мира сначала читатель воспринимает фабулу, композицию произведения, действия героев. И только при повторном чтении художественного текста читатель, обнаруживая художественные особенности, постепенно вникает в концептуальные аспекты произведения. В соединении композиции, сюжета, авторского стиля изложения, мира героев отражается философская мысль произведения, и эта мысль является основной идеей автора, которую он стремится передать читателям. То есть, идея - это конечная цель творческой работы художника и читателя, которая состоит в том, чтобы привлечь внимание людей на проблемы современного ему общества, показать через увеличительное свойство художественного текста существующую действительность. Однако для раскодирования произведения искусства необходимы творческие усилия, как писателя, так и литературоведов, читателя, поскольку от творческого мастерства писателя зависит и творческое мышление его читателей.

Каждая деталь художественного текста: сюжетная композиция, пейзаж, размышления, поступки героев, его стиль речи, манера изложения служат для раскрытия основной идеи и выражают авторскую концепцию, его мировоззрение. А значит «за каждым текстом стоит своя система языка, которая содержит в себе определенное символическое значение» [Там же, с. 475]. И анализ этих символов в художественном тексте дает возможность установить определенную систему их семиотической структуры.

Более того, анализ символов в рамках традиционной культуры показывает их огромную способность к трансформации и инвариантности содержания. Данное свойство произведений искусства раскрывается читателю не сразу, а с течением времени, и позволяет раскрыть глубинные идейно-философские подтексты художественного произведения.

Прошло более 20 лет с выхода в свет философского романа «Плаха» Чингиза Айтматова. И, несмотря на огромное количество исследований, посвященных творчеству Ч. Айтматова, мы вновь обращаемся к его произведениям для изучения глубинных философских пластов. Многие исследователи в силу особенностей романа усматривали в нем проблему экологии природы (рассказ о волчице Акбаре), экологии духа (Гришан и Авдий Калистратов), однако автор в романе поднимается до политических (прокуратор Понтий Пилат и Иисус), социальных (отрешенность государства от проблем общества) проблем общества 1980-х годов. Но нельзя упускать из вида тот факт, что различные сюжетные линии объединены в романе в единую композицию, а также забывать о художественной символике текста как системе языка романа в целом. Рассмотрение художественного произведения как единого организма позволяет выявить концепцию не только автора, но и всего исторического периода. Особенно ярко и отчетливо подтекст выступает в художественном произведении в переломные периоды, когда человеку предоставляется возможность увидеть проблему с новой точки зрения. Одним из таких переломных периодов был конец 1980-х годов, время перестроек, переоценок нравственных и политических ценностей. Личность - отражение эпохи, а в концепции личности автора художественного произведения прослеживаются нравственные оценки общества.

В 1980-е годы на арену вышли политически, общественно активные личности, предлагавшие новые нравственные ценности - свободу духа. Научно-технический прогресс, глобализация набирали такие обороты, что человек одновременно становился и могущественным, и беспомощным. А общественная необходимость в ответственной и просвещенной личности возросла настолько, что это стало жизненной необходимостью. И эта концепция личности отразилась в романе «Плаха» Ч. Айтматова. Для раскрытия идейной основы художественного произведения автор статьи акцентирует внимание на художественном тексте, в составлении которого зашифровываются символы эпохи. Прежде всего, рационально изучить расположение компонентов произведения, т.е. важна роль его композиции. «Говоря о композиции художественного текста, естественно разграничить внешнюю и внутреннюю композиции. Внешняя рассматривает особенности окончательного оформления художественного текста. Внутренняя композиция включает в себя разнообразные виды композиций, которые и осмысливают основные закономерности художественного мира, воплощенного в конкретном художественном тексте» [3, с. 27]. «Внешняя композиция - это авторская разбивка словесного материала на обособленные части и непосредственное графическое оформление и обрамление художественного текста... Заглавие - лицо произведения» [Там же, с. 29]. «Плаха» указывает на самоотверженность личности, жертвующей собой ради Жизни, Справедливости, Мира, и здесь присутствует личный выбор героя.

Сама композиция романа, построенная из самостоятельных сюжетных разветвлений, представляет логическую цепь произведения: судьба волков, наркоманов, Авдия Калистратова, Шестерых и седьмого, Понтия Пилата и Иисуса, Бостона и Базарбая. При этом историческое прошлое связано с сюжетом о шестерых и седьмом, значение которого строится на постулате: «Добро не может строиться на зле»; сюжетная линия о Понтии Пилате и Иисусе, на наш взгляд, сводится к многовековой мудрости о невозможности подавить свободу духа. Отсюда закономерно вытекает настоящее, тесно переплетенное с прошлым, это - судьба волков и наркомания с философской идеей экологии природы и духа. Автор подсказывает читателю мысль о несоизмеримости зла, каким бы не было проявление зла, последствия его одинаково пагубны, пример тому борьба Бостона и Базарбая. Смысл композиции романа заключается в принципиальной необходимости отрешения от жестокости, даже ради установления справедливости.

Автор переходит к основному сюжету, начиная его с описания природы, задавая читателю тон романа. *«Вслед за коротким, легким, как детское дыхание, дневным потеплением на обращенных к солнцу горных склонах погода вскоре неуловимо изменилась - заветрило с ледников, и уже закрадывались по ущельям всюду проникающие резкие ранние сумерки, несущие за собой холодную сизость предстоящей снежной ночи»* [1, с. 6]. Уже с первых строк автор обращает внимание читателя на затягивающий землю мрак - Зло, наркоманию как проявление социального умерщвления личности в человеке, ведущую к духовной деградации. Далее описываются внутренние переживания матери-волчицы, охваченной страхом за жизнь своих детенышей, этот сюжет романа вселяет в читателя страх, заставляя его сопереживать матери-волчице, символу «матери». Начало (беспокойство за потомство) и конец романа (попытка спасения сына) взаимосвязаны и недвусмысленны: ничего не оправдывает зло (использование оружия Бостоном ради спасения сына). Так, вновь повторяется трагическая судьба человечества, построенная на постулате «око за око, зуб за зуб». Возрождение через прощение - путь добра, а: *«Бостон же продолжал свой путь... А синяя крутизна Иссык-Куля все приближалась, и ему хотелось раствориться в ней, исчезнуть - и хотелось, и не хотелось жить. Вот как эти буруны - волна вскипает, исчезает и снова возрождается сама из себя...»* [Там же, с. 358]. Здесь проявляется философское мировоззрение автора, жидущееся на религиозном каноне прощения, зло во имя добра порождает зло. Заканчивается роман на философской ноте противопоставления Жизни и Смерти, все проявления доброты и прекрасного не имеют смысла без божественного дара - Жизни.

В художественном тексте романа автором продуктивно использованы такие методы изображения как деталь, видения, письма, которые помогают читателю проникнуть в глубинные идейно-философские пласты произведений. Ярким в романе является образ Авдия Каллистратова, судьба которого глубоко драматична, однако не трагична, поскольку он - символ служения добру (Авдий значит «служащий Богу»). В рассказе об Авдии прослеживается взаимосвязь его судьбы с судьбой Иисуса (имя означает «Бог есть спасение»). Соединение двух образов (в яви и бреду) символизирует «службу ради спасения».

Любовь героя, взошедшего ради спасения Человека на плаху, придает ему силы для борьбы, он мысленно обращается к Возлюбленной-Творцу, в символике «женщина-любовь-божество» проявляется Суфийская традиция восточной поэзии. *«Горше и мучительнее думалось ему о ней, о той, которая с некоторых пор стала самым близким существом на свете, постоянно сопутствующим ему в мыслях, как ипостась его собственной сути. И в этот час он не мог отделить ее от себя, не мог не обращать к ней свои чувства и переживания»* [Там же, с. 43]. Образ Возлюбленной - Инги Федоровны - является в романе символом Творца. Внутреннее чувство одиночества, любви, стремления к единению с Любимой, охватившие Авдия, были вызваны особенностью времени Атеизма, когда человек чувствовал разлуку с самой сущностью бытия, но: *«в нем горел свой огонь. Обуреваемый собственными идеями «развития во времени, категорически Бога в зависимости от исторического развития человечества»* [Там же]. Герой находил Любовь-Бога во всей окружающей жизни, во всех проявлениях созидательного начала.

В романе отношение автора к Богу выражается традиционными художественными приемами, которые, как отмечено выше, восходят к средневековой классической поэзии Востока. Автор, придерживавшись суфийских воззрений, заявляет об истоках своей художественной символики в романе открыто: *«Но острее всего он чувствовал в этот раз свое одиночество. Ему припомнилось полузабытое изречение какого-то восточного поэта:*

*«И среди тысячной толпы - ты одинок,
и находясь с собой наедине - ты одинок»...*

Теперь ему наконец открылась справедливость парадоксальных слов все того же восточного поэта, над которыми он прежде посмеивался, не верил, что можно утверждать: «Пусть не полюбитя тому, кто истинно любить предрасположен...» Что за чушь! А теперь он тихо плакал, думая о ней, сознавая, что, не зная он о ее существовании, не люби ее так затаенно и отчаянно, как собственную жизнь перед смертью, не было бы этой неутраченной боли, этой тоски, этого неодолимого, безумного и мучительного желания немедленно, тотчас же ворваться, освободиться и бежать к ней среди ночи через саванну на ту затерянную в трансконтинентальной протяженности железной дороги станцию Жалпак-Саз, чтобы очутиться, как и тогда, хоть на полчаса, возле ее дверей...» [Там же]. Это описание душевного состояния, в котором находится верующий человек, созвучны с поэзией Хафиза, Низами.

Главный герой становится свидетелем чудовищного зла - наркомании, он задается вопросом: к чему она приведет человечество? Этот вопрос не дает покоя герою, ему является божественное откровение, он видит будущее и отчаянно пытается предотвратить Катастрофу. В этих философских размышлениях глобального масштаба проявляется творческий стиль Ч. Айтматова, где каждая деталь произведения служит для раскрытия главной идеи спасения рода человеческого. В приведенных выше примерах прослеживается авторская точка зрения, согласно которой важный шаг в жизни человека - это принятие Бога-Завтра, самоотречение ради будущих поколений - это и есть любовь, любовь к жизни, вера в высокое предназначение человека. *«Теперь ему открылось, что Бог, являя себя через любовь, дарует тем самым человеку наивысшее счастье бытия, и щедрость Бога тут бесконечна, как бесконечно течение времени, а предназначение любви неповторимо в каждом случае и в каждом человеке...*

- Слава Всевышнему! - прошептал он, глядя на луну, и подумал: «Если бы она знала, как велика божья милость, когда он вселяет в сердце любовь...» [Там же]. Луна, являющаяся в традиции восточной поэзии символом созидания, успокоения, веры во спасение и любви, находит философское разрешение проблемы веры в Человека.

В последовательном изложении событий, ставших объектом произведения, прослеживается борьба за жизнь. Основной идеей произведения является возрождение духа и утверждение общечеловеческих нравственно-гуманистических принципов на основе религиозных воззрений. Подобная духовная ситуация характерна для 1980-х годов, когда литература обратилась к поиску нравственно-этических ценностей бытия.

В произведениях Ч. Айтматова Авдий обращается к легендам, библейским сказаниям, преданиям, которые хранят кладезь многовековой мудрости человечества, чтобы найти ответы на беспокоившие его сознание вопросы. Мифы, сны, видения героев вводятся писателем в сюжет романов как возможность увидеть в другом ракурсе идейно-философскую направленность художественного текста.

К божественной сущности обращается Авдий в моменты растерянности и затруднений, что находит своеобразное художественное решение в романе. *«Обо всех своих неудачах и переживаниях Авдий Каллистратов писал Инге Федоровне, которую он считал даром судьбы, самым близким себе человеком, - ведь она, подобно реке, оживляла и воскрешала его для повседневного бытия. Вскоре он понял, что переписка с Ингой Федоровной - главное событие в его жизни и, возможно, что самое предназначение, которое оправдывает его существование.*

Отправив ей письмо, он затем жил этим, заново восстанавливая в памяти все написанное и как бы комментируя себя. То была странная форма общения на расстоянии - непрерывное излучение во времени и пространстве его страждущей души» [Там же]. Утерянный опыт, мудрость прошлых веков учат сохранять веру в справедливость любой ценой, даже если она будет преследуема. Это символ Божества-Справедливости, передаваемый образом Женщины. В романе «Плаха» Авдий постоянно общается со своей Возлюбленной, к ней устремляет свои мысли, что ярко раскрывает основную концепцию автора. «...*Потом я думал много дней, не шокировали ли Вас начальные слова моего письма: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!» Я их привел, будучи воспитанным в этих традициях, они всегда служат мне камертоном перед серьезным разговором, настраивая на молитвенное состояние духа»* [Там же, с. 47]. Это обращение, раскрывая смысл романа, выражает надежду автора на возрождение Веры в душе человека.

Этот плодотворный творческий метод раскрытия идейно-художественной основы произведения используется в комментариях главного героя к церковной музыке. «*Этот крик жизни, крик человека с вознесенными ввысь руками, говорящий о вековечной жажде утвердить себя, облегчить свою участь, найти точку опоры в необозримых просторах вселенной, трагически уповая, что существуют помимо Него еще какие-то небесные силы, которые помогут ему в этом. Грандиозное заблуждение! О, как велико стремление человека быть услышанным наверху! И сколько энергии, сколько мысли вложил он в уверения, покаяния, в словословия, принуждая себя во имя этого к смирению, к послушанию, к безропотности вопреки бунтующей крови своей, вопреки стихии своей, вечно жаждущей мятежа, новшеств, отрицания. О, как трудно и мучительно это давалось ему. Ригведа, псалмы, заклинания, гимны, шаманство! И столько еще было произнесено в веках нескончаемых мольб и молитв, что, будь они материально ощутимы, затопили бы собой всю землю, подобно горько-соленым океанам, вышедшим из берегов. Как трудно рождалось в человеке человеческое...*» [Там же, с. 66-67]. Осуждение слепой веры в помощь извне, отрицания бога в человеке, то есть создающей сути человека, звучит в этих строках. Настало время Человеку-Творцу встать на защиту добра, человечности. Мысли эти повторяются во всех творениях искусства, однако суть его еще не постигнута. Приведенные примеры позволяют читателю вновь утвердиться в мысли о том, что вся история человечества - это борьба Добра со Злом, поскольку Добро есть Жизнь. Искусство изначально имело сакральную силу катарсиса, облагораживающую людские души, способную зарождать в них те прекрасные чувства, которые питали созидательные силы на земле. Приведенные выше отрывки являются тем идейным ядром, которое заключает в себе смысл романа в целом.

В монографии В. В. Савельевой «Художественный текст и художественный мир» предложен анализ художественного текста с учетом образного строя художественного мира и его пространственно-временной организации, а также событийной динамики. «Среди образов особым статусом обладают образы-персонажи, которые участвуют в развитии событий, движут сюжет, являются объектом пристального внимания автора и читателей» [3, с. 61], - пишет исследователь. В рассматриваемом произведении представлены образы, являющиеся важнейшим звеном во всей системе художественного строя, что раскрывает диалектику внутреннего мира произведения.

В романе образы Авдия, Бостона, Сандро, Понтия Пилата раскрыты через их монологи, диалоги, предметный мир, описания автора. Образ главного героя сюжетной линии «Шестеро и седьмой» Сандро изображен как человек, находящийся в смятении, в поисках оптимального решения в сложный революционный период. «*Все было сделано. Сандро еще раз молча обошел шестерых, сраженных наповал, и, отойдя чуть в сторону, приставил дуло маузера к виску. Еще раз выстрел прозвучал в горах коротким эхом. Теперь он был седьмым, отведав свои песни...*» [1, с. 79]. Сомнения, тревоги, разочарования, слабая надежда и вера в будущее сопровождают тернистый путь человека. В приведенном выше примере проявляется мысль об утверждении жизни в противовес всем идеям: «*думал ли, что такое рождение человека, и думал ли, что смерть всегда с тобой, пока ты дышишь, а после смерти смерти нет, но жизнь выше смерти, нет меры в мире выше жизни - и потому избеги смертоубийства, но коли враг пришел на землю, землю свою защити; и честь любимой береги, как землю родную»* [Там же]. В этом отрывке проявляется общая концепция писателя, дающая оценку кровопролитиям.

Жанр анализируемого художественного произведения исследователями определяется как философский роман, где образы раскрываются через мысли, внутренние размышления, портретные характеристики, и главный герой - это избранная личность, предназначение которой заключается в исполнении своей миссии, это новый пророк, к подобию которого должны стремиться другие. Таким образом, создавая образ избранной, духовной, активной личности, писатель выражает концепцию личности в авторском понимании.

Бостон представлен читателю как типичный передовой труженик, правдивый человек. «*Да, везет, определенно везет Бостону - вон как у него на подворье все ладно, и в доме яркий свет, чистота, хоть и на овечьем становище живут. Пришлось разуться, сбросить кирзачи да портянки в прихожей и в одних носках вязаных пройти по кошмам в комнату. Уж если человеку везет, везет во всем. Вот ведь, раньше не замечал Базарбай, что вдова Эрназара, погибшего на перевале, такая видная собой баба и невеста рая. А теперь она, Гулюмкан, жена Бостона и хоть и пережила горе, а судя по виду, счастлива»* [Там же, с. 263] - в этой оценке Базарбая раскрывается образ Бостона как истинного человека.

Все главные герои сюжетных разветвлений романа - это символы добра, противостоящего силе невежества, зла, их действия обусловлены обстановкой времени. Волчица, Авдий, Сандро и Бостон - символы вечности, созидания, служения Добру, благодаря которым жизнь на земле продолжается: *«Он, Авдий, и она, Инга Федоровна, занимаются в чем-то близкими вопросами, связанными с анашой, поскольку она ведет работу по изучению моюнкумской популяции»* [Там же, с. 216]. Анаша - орудие зла, нравственной деградации человека; пристрастие к наркотикам - следствие неведения степени наносимого им урона, несмотря на это уничтожение конопли как вида есть покушение на природу. *«Как быть?»* - рассуждает автор. *«Из объяснений Инги Федоровны выходило, что найти химические вещества для уничтожения конопли... наносит удар по системе размножения, вполне возможно, но этот метод нес с собой еще большее зло - он разрушал почву: земля минимум на двести лет выходила из строя. Губить природу ради борьбы с наркоманией - это ведь тоже палка о двух концах... О Боже, подумал Авдий, если бы природа обладала мышлением, каким тяжёлым грузом вины легла бы на нее эта чудовищная взаимосвязь между Дикорастущей флорой и нравственной деградацией человека»* [Там же, с. 217]. Пока живет на земле человек, борьба Добра и Зла будет продолжаться, искоренить Зло возможно только в том случае, если каждый человек сможет искоренить его в своем сердце. Человечество всегда будет стремиться к утверждению законов добра и жизни, и все происходящие события в мире объяснимы этими стремлениями. Таков логический порядок мироздания. Это основная поднятая автором проблематика романа. Таким образом, образ нравственной, непорочной личности проявляется в концепции личности Ч. Айтматова, рожденной общественной необходимостью 1980-х годов.

При создании художественного мира произведения автор использует метод непрерывного авторского сопровождения, комментария к совершающимся действиям. Из обычной среды образ перемещается в символический круг. Символ, уже обладающий чувственным, образным значением, вызывает и сложные интеллектуальные переживания. Он отвечает духовным устремлениям человека и приближает его к тайнам мира. Поэтому его эмоциональность внешне проявляется мало, она таится в самой глубине символа, и чем глубже, тем она сильнее [4, с. 199]. Поэтому читателю необходимо расшифровывать смысл знаков, осмысление же символической структуры произведения требует тонкого чутья и особой интуиции читателя.

Здесь примечателен разговор Иисуса с Понтием Пилатом. *«На то и родился я на свет, чтоб послужить людям немеркнувшим примером. Чтоб люди уповали на мое имя и шли ко мне через страдания, через борьбу со злом в себе изо дня в день, через отвращение к порокам, к насилию и кровожадности, столь пагубно поражающим души, не заполненные любовью к Богу, а стало быть, к подобным себе, к людям!...»*

«Каким быть Богу-Завтра - прекрасным или дурным, добросердечным или карающим, - зависит от самих людей. Так думать позволительно и необходимо: того желает от мыслящих существ сам Бог-Творец, и потому о завтрашней жизни на земле пусть заботятся сами люди, ведь каждый из них какая-то частица Бога-Завтра. Человек сам судья и сам творец каждого дня нашего» [1, с. 117] - здесь кроется вся идейная основа романа, раскрывающая образы Авдия и Бостона. Ибо ненависть человеческая способна разъесть, уничтожить себя изнутри. Автор для передачи этой мысли использует диалог Иисуса и Римского прокуратора, поскольку через речь, отражающуюся в монологе и диалоге, раскрывается суть романа в целом: *«Над землей и не увидел ни днем, ни ночью ни одного живого человека, - все было мертво, все было сплошь покрыто черным пеплом отбушевавших пожаров, земля лежала сплошь в руинах - ни лесов, ни пашен, ни кораблей в морях, и только странный, бесконечный звон чуть слышно доносился издалека, как стон печальный на ветру, как плач железа из глубин земли, как погребальный колокол... Неужто свирепый мир людской себя убил в свирепости своей, как скорпион себя же умерщвляет своим же ядом? Неужто к этому дикому концу привела несовместимость людей с людьми, несовместимость границ имперских, несовместимость идей, несовместимость гордыни и властолюбия, несовместимость пресыщенных безраздельным господством великих кесарей и следовавших за ними в слепом повиновении и лицемерном славословии народов? Так вот чем кончилось пребывание на земле людей, унесших с собой в небытие божественный дар сознания. О Господи, взорптал я, зачем же наделил ты умом и речью, свободными для созидания руками тех, что себя в себе убили и землю превратили в могильник общего позора! Так плакал я и стенал один в безмолвном мире и проклинал удел свой и Богу говорил: то, на что Твоя рука не поднялась бы, сам человек преступно совершил... Так знай же, правитель римский, конец света не от меня, не от стихийных бедствий, а от вражды людей грядет»* [Там же, с. 182]. Эту речь, произнесенную героем перед казнью, необходимо анализировать в рамках хронотопа, поскольку идеи гуманизма, основанные на религиозных постулатах, составляют основу морально-этических взглядов писателя, его концепцию, что закономерно выразилась в художественном произведении. Писатель соединяет в своем творчестве две традиции, две веры - запада и востока, однако художественная литература не знает этих границ. «Литература имеет дело со свойствами, характерами, поступками - со всевозможными формами обобщенного поведения человека. А там, где речь идет о поведении, любые жизненные ценности оказываются в то же время ценностями этическими. Тем самым, между литературой и этикой существует нерасторжимая связь. Художественное созидание образа человека есть в то же время его оценка, строящая образ изнутри. От своих оценочных функций никогда никакая литература не могла уйти - ни провозглашая высокое бесстрашие писателя, ни перетасовывавшая критерии добра и зла» [2, с. 385]. Оценочные функции романа Ч. Айтматова проявляются в характере Авдия Калистратова, в котором жертвенная любовь к человеку, страх за его Завтра, стремление предотвратить Апокалипсис органически сочетаются. Однако герой не одинок, есть множество его единомышленников, есть множество бостонов, в этом проявляется гуманистический оптимизм писателя.

В последнем десятилетии XX века на нынешнем постсоветском пространстве идеи самоценности человека и личности стали особенно актуальны. Обществу была необходима личность, принимающий на себя бремя ответственности за Человечество, просвещенный правитель. Такого лидера ждало общество, и в романе проявляется общественно-политическая концепция именно такой личности. Подытоживая анализ художественного произведения, нужно отметить, что в философском романе «Плаха» Ч. Айтматова проявляется концепция социально активной, мыслящей масштабно личности, утверждаются общие гуманистические ценности человечества.

Список литературы

1. **Айтматов Ч. Т.** Собрание сочинений: в 7 т. Бишкек: Туркестан, 1998. Т. 4. 495 с.
2. **Гинзбург Л.** О психологической прозе. 2-е изд. Л.: Худож. лит., 1977. 443 с.
3. **Савельева В.** Художественный текст и художественный мир: проблемы организации. Алматы: ТОО «Драйк-Пресс», 1996. 192 с.
4. **Сигуа С.** Миф и логика: структура прозы К. Гамсахурдия. Тб.: Мерани, 1984. 336 с.

PERSON CONCEPTION IN CH. AYTMATOV'S NOVEL "EXECUTIONER'S BLOCK"

Aygul Akberdievna Zhusupova, Ph.D. in Linguistics

*Department of the Kazakh Language and Culture
Karaganda State Technical University, Kazakhstan
Akgul79@mail.ru*

The article reveals the content of the notion "person conception" and its display in Ch. Aytmatov's novel "Executioner's block". The author pays the main attention to the artistic world: composition, plot branches, symbols. They codify the ideological-philosophical aspects of person conception.

Key words and phrases: person conception; artistic world of a work; Ch. Aytmatov's novel "Executioner's block"; Sufi poetry tradition; hero image; religious aspects of a work of art; idea base analysis; humanist ideas of a work.

УДК 81'367.335.2

В статье методом дистрибуции рассмотрены особенности гипотаксиса в узбекском языке. Выделены пять типов синтаксической дистрибуции гипотаксиса: дополнительная, частично совпадающая, слагаемая, включенная, эквивалентная.

Ключевые слова и фразы: гипотаксис; дополнительная дистрибуция; частично совпадающая дистрибуция; слагаемая дистрибуция; включенная дистрибуция; эквивалентная дистрибуция.

Хафиза Разаковна Закирова

Кафедра языкознания

Андижанский государственный университет, Узбекистан

zakiheart@mail.ru

ГИПОТАКСИС И ДИСТРИБУЦИЯ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ[©]

Логика - это молодость математики, а математика - возмужалость логики.

Рассел. Введение в философию математики.

В последние десятилетия в языкознании усилилось стремление к тому, чтобы лингвистические описания имели максимально точный, строгий и объективный характер. Вполне естественно, что в современных лингвистических работах, обнаруживающих стремление к точности анализа, нередко используются понятия и приемы логики и математики. Не владея некоторыми элементарными понятиями из области логики и математики, иногда трудно следить за новейшей лингвистической литературой. Необходимо сразу же сказать, впрочем, что использование специальных понятий математики в языкознании еще не есть математическое решение лингвистических проблем [3]. Одним из основных математических понятий является понятие множества. Множество трактуют как совокупность предметов, объединенных каким либо общим признаком, где слово «совокупность» просто синоним «множества». Различные виды дистрибутивных связей между языковыми единицами можно описать в рамках логики классов и теории множеств.